

По ту сторону проспекта

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Илья Качинский

Илья Качинский

По ту сторону проспекта

«Автор»

2020

Качинский И.

По ту сторону проспекта / И. Качинский — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-03811-0

Посвящается поколению мишек Гамми. В книгу включены стихи за период 2009 - 2020 годов.

ISBN 978-5-532-03811-0

© Качинский И., 2020

© Автор, 2020

Илья Качинский

По ту сторону проспекта

беги, Венечка, беги
кругом зима, враги
если не шило, то машина
не заколют, так застрелят
загонят в подъезд зверя
накинут на шею подтяжки
беги до дома
в ванной под струями
смыть день уличный тяжкий
утопить сахар в чайной чашке

хлебни из фляжки амброзии
и беги по морозу
по переходу
в Петушки свободу
после «зубровки» или хереса
ноги ноют —
тяпни настой вереска

Венечка
цыганка пристанет
позолотит руку копеечкой,
держи портфель крепче
опасайся многоэтажных свечек
береги смолоду честь
а с осознания печень

Венечка
сам знаешь
жизнь – кросс
пересекай Крымский мост

а лучше...
бей, Венечка, бей
за пару рублей
за редких друзей
за рваные строки
о, боги
знают, как ты устал...

мимо милицейского поста
те не убьют, так покалечат
Венечка, беги
из зимнего утра в майский вечер

***

всю ночь бродил по звездам
плевался искрами пестрыми
дома-острова подмигивали светом острым
по свежему снегу, там, где земля внизу
бродил пес
поглядывая на меня искоса
как на мяса кусок
по дорожным полоскам ветер обрывки «вчера»
в печатных изданиях нес

эй, пес!
кинул в него одну звезду
он отвернулся
побрел понуро в свою конуру
тощий, голодный
совсем как я, когда-то
глупая собака
с такой яркой, блестящей шкурой
будто вскормленный небесной жучкиной сиськой
а не городской, серой структурой

прохожие «в мыслях» уже дома греются
в замечтавшегося я клейким снежком целюсь
за воротник
мужик испугался и в крик
смеюсь от души
радуюсь, как вдруг помолодевший старик

устал
притих
спрятался за выступом, а там
под снегом укутаны еще желтые, осенние листья
их за пазуху поместил, штук тридцать, высохнут до весны

от скуки стал метель раздувать по крыше
весело, страшно, стал бросать выше
скользко как на сале
резвился
стучался в окна
заглядывал в темные
но там уже все спали

и тут одна звезда с сигаретой тусклой мигнула
я прыгнул за ней нелепо
ослеп от света, загрохотал по чешуе медного гуру
дом очнулся, стал хмурым
дрогнул, по краю скользнула фигура

ветер в кудри
санки на углу балкона
кухонный свет, ухмылка этой наглой звезды – дуры
козырьки, антенны
старый велосипед
я успел улыбнуться в ответ...

на снег – компот, вишни, груши, яблочки
всё в одном месте расплескалось в месиво
как на натюрморте, только человеческом
весело!
а снег метет, поглядывает месяц
крестится бабка
метель бесится

Моей Элен

* * *

а дети иногда вырастают
перестают любить компоты
и бояться бабушкиной старости
вырываются из гусиной, перьевого стаи
прячутся в важность достойной работы

внимательно следят за часами
вымеряя дорогу между лужами,
своим же брюшным салом мажут сани
салятся в них сами,
муж верен жене, жена верна мужу

блюдут моду шёлковых брюк
утюгом выводят стрелочку к стрелочке
затем вытаскивают ремень
кидают на крюк —
смешно болтаются
на пол сыплется мелочь

* * *

свитер крупной вязки
хемингуэевский
за окном магистралей отрезки
круглыми глазами уставился кот
меняю поворотом регулятора
свет люстры на менее резкий
в упор смотрит арки чёрный рот

из всех окружающих вещей
нарочито молчаливых
набитых, как живые, ливером

неугомонные часы
страны восходящего солнца
где-то там на краю мира
где всегда тепло
они ходят босые
по песку, превращающемуся в стекло

привыкаешь к стуку их
размеренно-методичному
в пластмассе маятника обличье
без него уже не спится
хрустит последняя спичка
плита опаливает ресницы

глаза светофоров
(ядовито-жёлтые)
на дороге протёртой
(гладкой, как змеиная кожа)
отражаются в окнах, до утра мёртвых
подмигивают силуэту прохожего

всё в этом месте замирает в декабре
с любопытством рассматривает ночь
разметённые матраса ключья
испорченного умирающим стариком
не узнающим растущий район
заново окрашенный дом
только дряхлый клён
точь-в-точь
и вензель
на коре ножом приторно знаком

для старика запятая
меняется
в точку

* * *

письмо палкой на песке начертал,
солнечный вал скрылся, остывал,
берег так мал, безбрежно море,
построенный замок смыло прибором

тебе, рыжей, так влюблённой в июль
оставил мысли строкой неровной
я – человек, паяц, стихоплюй...

сумерек тюль наползает коброй

Евгении Г.

* * *

там, где нет меня —
ретро-трамваи
узкие улицы между учебных корпусов

если верить фотографиям Вконтакте
в твоём городе всегда май

застыл вечный полдень на циферблате
центральных часов

* * *

в этом доме вечно хлопают двери
на простынях тело Анны Карениной
кольцами в воздухе плавает время
потолка морская безбрежность
кашель и сутулые плечи
рубашка мятая
но любимая – клетчатая

вчера вечером – это была жизнь
тонула в вине как на межи
а теперь рисунок от пружин на спине вычерчен

я помню после виски
ко мне заходил Че
ругал подъезд, потонувший в моче
потирая виски, меня хвалил патлатый
тощий Виссарион Белинский

наступает сочельник...
кто утром за Клинским?

* * *

на этикетке сияли звёзды —
кухонной вселенной под абажуром
в прокуренный воздух
кидал слов грозди
ты умело играла роль очарованной дуры

ночь, шипя, растворилась «Зорексом»
в переполненном влагой стакане

всё происходящее вечером
остаётся там же...

тебя встречала утренняя весенняя сырость
меня сигарета

и кривляющиеся люди на синем экране

* * *

горела фабрика фейерверков
нагревалась рубашка, свитер
запах палёной кожи сладковатый, терпкий
испуганные очевидцы
писали о происходящем в твиттере
кто-то истерично звал бога
кто-то милицию
окна наполняли смайлики —
с открытыми ртами лица

а ты громко смеялась
тебя умиляло приводить меня в бешенство
на меня, быка, красную тряпку навешивала
и пускала по арене
ярко горел
затем фразой окатывала —
мокро
холодно
жарко
пинком двери
обветренные губы – черешни
испуганные прохожие
мятое лежбище
феерия

а потом снова мрак
окна занавешены
осколки посуды
истеричка – враг
битых французских флаконов груди

я был Катонем в своём Риме
ты Элиссой в Карфагене
твой город должен быть разрушен!
и снова кисти-плечи-колени...
бред!
вечность!
мгновение!

аллю, говори, я слушаю...

* * *

мы родом из панк-рока
из угловых подъездов
новостроек 97 серии
потерявшие невинность

под лифтовой грохот
у обитой дерматином двери

* * *

ты можешь быть рядом только в стихах
моих
или в строках тех людей
кто держал это тело так же, как я —
в руках
ошибочно думая, что держит тебя целую

* * *

у нас сегодня гости —
пузатые стаканы и космос
снаружи мороз
у тебя растафари косы
грифы гитар — хрустящие кости
у меня греческий нос
и на тельняшке синие полосы,
Дориана Грея вечный возраст
слегка охрипший голос
фоном по телевизору новости

* * *

я бы с Вами потанцевал
напился, проснулся
пока Вы спали
тихо оделся
вышел на незнакомую улицу

люблю эти моменты
когда утро ещё пьянит
настоявшееся на дровах вчерашних

под ногами асфальтовая лента
на рубашке с вечера яркий принт —
помада красная
Ваша

* * *

импонирует, что вырвал тебя
из цепких пальцев
модных ныне лесби
в свой мир
нескончаемой субботы в доме у Гэтсби

жить не по средствам — наш профиль
с утра коньяк лить в кофе
или в чай Ягермейстер,

а помнишь, помнишь
в эрегированные пятнадцать
с крыши многоэтажки плевали городу в пасть
руки холодил полуторалитровой бутылки пластик

я стал забывать цифры номера телефона
и твоё сонное – «здравствуй»,
с цепочки стали выпадать звенья

всё-таки он существует
стирающий всё ластик:
твою яркую помаду и тени
карандаш и ручку
имена и лица

этот ластик – время

* * *

европейские маленькие чашечки кофе
высеченный веками греческий профиль
буханка истории в стране-крохе,
с утра пить бренди
рассыпать женские бусы,
погода – аристократичная леди
Адриатика прибрежные камни лузгает

тишина
океан, кальян
сон
он, она —
местоимения
к чему имена
природа умиротворена,
застывшее время
пароль: – ты?
ответ: – я!

упасть в кресло плетённое
в двадцать пять
подняться в семьдесят
и будет тот же закат
та же каменная лестница
а море
море также будет пениться
играться,
наши следы исчезнут
и природа вновь девственница

ветер цепляет за лацканы пиджака,

время здесь – тонкая струя кофе в маленькую чашечку
а не река

* * *

прокуренный перрон
мёрзлая полночь
спящий вагон
в сумках тонущий

в свете фонарей
черты острые —
«приезжай в гости»

у меня верхняя полка купе
и застиранный плед
в отвратительную расцветку пёструю

у тебя ночь
вокзала серый скелет
звёзды

мну судорожно в руке билет,
я постоянный клиент
умею так, чтобы в один момент рвануть за ручку
в сумку «Дербент», а ключи на столе

к окну, как приклеенный
бледный, как при холере
хлопнут двери
помаши за стеклом зверю,
в горле ком
закашлялся
обдумаю всё потом
черпаю затхлый запах поезда
выброшенный на берег сом
потом, всё потом

мельчает силуэт
глотают колёса метры
забыли томик стихов
запомнили лето

* * *

Карл кораллы у Клары
а ты сердце
украли у варвара
причём давно
в советском автопроме
где на торпедо собака головой кивала

лбом о социальное дно выстукивали мотив «Нирваны»

через сколько-то лет у меня такие же острые плечи
но более плавные грани

города край
кинотеатр «Заречье» стоит
неживой
вечно живы только Элвис, Ленин
и в воспоминаниях май дождливый

перед встречей тряслись руки
и поджилки
но всё по-прежнему
на лавке водка, сигареты
вот только закуску не руками —
из магазина вилками
мы снова с тобой на татами?
да нет же
друг друга не пораним
у нас ныне из пластика вилки
а не кухонные ножи

у тебя сын и манник на плите
а я все эмоции давно растранижил
мы не те
именно поэтому мы, наверное, и живы

это было, и было хорошо, скажи...

Татьяне К.

* * *

а дома растут, как грибы
после дождя
во время
или даже ночью
хочешь поглядеть с крыши на рассыпанные городские огни?
это была бы не ты
если не сказала бы – очень

Оксане К.

* * *

расстояние до тебя измеряется в сигаретах
песнях на плеере
пересчитанных окнах, столбах

повязку проверил – на месте

но всё также кровью пропитан рукав
хотя операция по удалению ребра успешно прошла

у нас одинаковые жесты
улыбка, глаза
любовь к року и кешью

друг другу сказали
покаялись не давать мучиться —
сразу вонзать
следы скрыть за дверью во двор
в лето
где непримятая зелень
и воды бирюза
я ведь, как все мужчины, – трус...
рукой уверенной
ты первая будешь вонзать

* * *

а где-то есть море безбрежное
небрежно разбросана лета одежда
хмелем абсента облизана
берега песчаная лента

а здесь зимний город
и от дорожного бриза
волнами в спальне шторы
но море во мне
в бухте со снежным карнизом

движение моей воды
подчинено луне
луне, которой являешься ты

* * *

красивое слово глясе...
яркие цветы в твоей длинной косе,
дань моде – одеваться не по погоде
беседовать об эзотерике и вуду

пока ты увлечена людьми своего круга
буду смотреть, трогать тонкие пальцы на чашке
читать названия блюд
это вязкое слово во рту распрямлять и гнуть
глясе...

раньше с портвейном пускались во все тяжкие
теперь под кофе лезет вверх ртуль
модная литература входит с затяжками

за окном новое шоссе в восемь полос вместо двух
кафе вместо кухни

«трёхтопорниками» по впискам читали Лема
сняли косухи
и теперь глясейная богема

* * *

улица пяти утра
спит в ожидании Ра
пока он на лодке не проехал
а я не брился и зарос за неделю
содрал кожу, вывернул мехом

а всё равно потрясывает,
на углу подмигивают два фонаря
снимают чёрную
облачают в белую рясу
колышутся в канавах моря

у деревьев сломаны руки
это природа негодует
что от огней не высыпается —
за неделю несколько бурей

зажигалку озябшими пальцами
и до единственного с алкоголем киоска
– девушка
мне сонную улыбку на морщинистом рту
мотив для стиха
и, чтобы заснуть, Балтики соску

* * *

дождь танцует во дворе
на столе теннисном
место —
некая вселенная
в ней ночь
окна
время плавное
медленное
металлическая радуга
в карманах куртки лето
бездомная кошка
вишнёвых сигарет привкус сладкий
электрической луны, бледнеющий круг света

в этом смонтированном нами мире

нет ничего шире
моего чувства к тебе
постояннее дождя
нежнее взгляда
бесполезней слов
роднее тени на земле
вкуснее губ
с оставляющей следы яркой помадой

угол твоего дома
во главе всех
обтёртых моей курткой углов

* * *

ты всё равно любишь собак
хотя в детстве псина напугала
в твоё маленькое тело вмещается
любовь ко всему живому —
неоспоримый факт
помню, улыбнулась так
словно меня уже знала
когда запнулся взглядом
не смог отвести глаза
холодок по телу мятный
сказал – давай именоваться: Мы
и враз стихла толпа вокзала
сложилась мозаика

после мелькали ночные огни
вокруг нас, а мы смеясь
пальцы на руках вязали

проплывали одинокие зонты
повторяли:
Мы, Мы, Мы

* * *

у неё взгляд истинной сумасшедшей —
без страха

– мир падёт в прах
океаны поднимутся
в них лица

потом затяжка
закашляется

Маркузе, Ницше
всё в кучу

закипает чайник

Сталин, Дуче
Икеа
гомосексуалисты

чай мы предпочитали из цельных листьев

Стоунхендж
гламур
вибраторы

в её доме никогда не было сахара

и торшер словно Вега
окна зашторены
ночь
и я верил:
за окном рушится человеческое лего
в эту секунду
в ливне
и хоть все мы погибнем
курил и кивал...

был необычайно красив
этот бледный овал
и желание иссушающее
оставить что-то после
хватал...

утром на подушке всегда были её волосы

* * *

по-прежнему
ветер залезает под одежду
с надеждой отыскать в карманах ценное

наивный
я уже давно обчищен ливнями
простыл
как бы в шарф ни кутался

бесцеремонно огни транжирила улица
встречались имена женские – привычные
но что не коробок —
снова со спичками

а осенью хочется чего-то необычного

то ли мяса
то ли незнакомку с именем Пётра...
существует же такое место
с бараниной
с блондинкой
и без ветра...

* * *

полетаем во сне?
на морской косе
из карманов прилипших вытряхнем всё лишнее
прогуляемся по росе
соберем её ложкой
рассвет растянется кошкой
солнце раскроет ночную обёртку

не бойся
завтра ты снова будешь с «Vertu»
в сухой одежде
выстиранной
а я
отправлюсь на работу в плаще
пиная сгнивающие афиши лета —
листья

* * *

какого вкуса утро?
— вкуса сдобы со сладкой пудрой
чая зелёного

какого цвета?
— осеннего клёна
штор оттенка сахара жжёного

а какое на ощупь?
— как шёлк
простыней

что в нём главное?
— оно является продолжением ночи
и началом дня с ней

* * *

волосы вокзала сплетаются
засмотрелся с моста
сигарета опалила пальцы
бутылка пуста
беспробудная скука
продам мрачному типу

ноутбук с сумкой
и в обход кассы
у проводницы с больной печенью
буду вмиг обилечен
до какой-нибудь сраной станции «Тайга»
или вовсе несуществующей
буду из окна жадно ловить лица
с поезда встречного

может мелькнет в разношёрстной
вокзальной гуще
некто с бездонным взглядом
затравленного ребёнка
вжавшийся в стену несущую
другие будут локтями колотья
сумками жать
меня всегда раздражала давка, очереди
рыкая, вылезу в шершавую ночь
табачные тучи
пусто...

сколько за жизнь встречаем
ненужных женщин и мужчин
кучи
а сейчас...
хоть бы один прохожий уличный
я трезвый, как дурак
друг
я – нам выпить куплю
а ты послушай, послушай

не рассчитал
в Сибири ещё зима
за 1200 километров спят
две нужные вещи —
она и куртка кожаная

* * *

думаешь
психически здоровые люди существуют?
вот ты
иногда утопающий в ощущении
что всё нереально
знаешь
брасом заплывать за социальные буи
в этом
сидящем на транквилизаторах мире
стало вполне нормально

* * *

город замер под луной лупой
ночь
ветер нашёптывающий тайны
в вентиляции рупор

одно горящее окно
танцевали до упаду
выпили всё снотворное
и Бордо
но сон не идёт

установился в окно мутным взглядом
а потом во двор
считая ступени кинулся
харкнул в лицо
влажный мороз
минус 10, а как минус 30 —
нрав питерский
орал: «проснитесь»
театр одного актёра
и без зрителей
город к такому привык
взирал снисходительно
только пожурил
что не надел
единственную тёплую вещь —
подаренный на пятнадцатый свитер

вдали шумел вокзал
потрёпанный воздушный змей
качался на проводах-нитях
как знамя
ты во сне писала
в тысячный раз
кровью менструальной
на обороте детской фотографии
письмо маме

* * *

из подъезда тянет котлетами и старостью —
обычные ароматы «сталинки»
закрытый двор маленький

тишину дома хранят стены в три кирпича
возможно, поэтому я никогда
не слышу соседей
а может, потому что с 37-го
здесь не принято кричать

щелчок замка
поворот ключа
шаги
ранний час

это та, что люблю называть по имени с отчеством
уходит
наблюдаю в окно, как в арке
растворяется профиль
так заведено
с утра сигарета и кофе
висящий в воздухе аромат сладкого парфюма
созерцание стен
пустота двух рюмок

закрыть форточку
включить обогреватель
музыку с Кубы
и лето в моём, с высокими потолками, мире
никогда не кончится

холодные трубы
бесконечное лето
квартирное одиночество

* * *

надо мной живут бесы
в квартире 13
ежедневные мессы б***ские
расширенные зрачки и тонкие пальцы

я бывал в таком танце
глядел в лица глянцевые
нырял в коридор
что пропитал кальян
мимо шляпы, рассыпанной мелочи на полу
в воздух пьяный
за угол
в темноту
в дверь
за ней яркий свет
и воздух густ
картины Уорхола пёстрые
винтажная в фенечках люстра
старый плакат с далёким островом
картины
рваные струны, мусор
в зале гости

кто с «Парламентом» и виски
кто внутри и карманах пуст
приходят случайно
до весны остаются
мастурбируют на образ осени
мусолят Пруста

с греческим носом муза
ничего не спрашивая
распускает косы
раздевается и кофе приносит
или тазик
в те моменты
когда становлюсь красив до безобразия
начинаю нюхать её волосы
целовать колени
просить наколдовать вечное лето
замуж взять взамен
сделать беременной
она улыбается
и мир застывает в бесконечной пятнице

* * *

мир вертится вокруг чемодана
с ценными лишь для тебя вещами,
не верь зарокам наркомана
любовным обещаниям

сыплет небесная манна
пеплом с завода,
снова предательски меняется мода —
и вот однотонный шевелится улей

до прихода тепла
кататься в трамвае
сев на кольцевую
залипнув в окно,
солнце кроит домов полотно

потеряйся от всех
смени окраску меха
фамилию на мою
и номер телефона
впрочем
если хочешь
сохрани sim для старых знакомых
тех
что звонят редко
с тоски

стихами
ночью
ночью тяжёлой
к крикам привыкшей
до сбитых кулаков прочной

***

тошнит Кирилла кагором
нюхает сын прокурора
и светит луна,
трогал ил дна
потом плыл строго вверх
сквозь раскатистый смех
сквозь пинки и толпу
крестик спрятав во рту

утром в 4
по съемным квартирам
город ворочаясь спит...
ты неделю не брит
идешь в недра метро
флакон спрятав в пальто
и на красную ветку
где тюки, багажи
потом двор, гаражи
и тяжелые шторы
за окном мародеры
прут остатки Союза
повзрослел и забыл
сидишь с водкой и блюзом

* * *

вязанные рукавицы
пересчитываю в твоей груди рёбра-спицы

жизнь под-арочная
целых 5 звёзд – ночь марочная
неаккуратно разлитая по улицам города
ёжась от холода
всматриваюсь в небо
словно космонавты мне машут

– вина и хлеба
вина для той, что помаду размажет
а хлеба собакам,
пахнет подъезд лаком
а нафталином свежая пресса
на ступеньки мигает пьеза

два индейца не замёрзнут под одним одеялом
а под одним небом продрогнут миллионы
смеялась:
дурачок!
купил вина, но не купил хотя бы батона

* * *

взгляда у чужой не проси
садись в такси
машины ныряют закату в рот
второпях свитер
шиворот-навыворот
или в метро
на перегонах полночь
течёт поток сонный
закрой глаза
отпусти поручни
отдайся ритму вагона

о чем-то мигает фонарь
она хлопнула дверью
забыла ключи
села в трамвай
маршрут по апрелю

весна вконец озверела
вспорола зиме живот

по грязно-белому навстречу идёт
связкой от твоих замков бренчит
тот
что в нелепом свитере
шиворот-навыворот

* * *

Ave Maria
в глазок всегда смотри!
там замерзший я
встречай в халате на голое тело
лампа в подъезде перегорела

здравствуй...

из реального мира с вестями
там
новый дом из кирпича красного
и скоро весна
аромат уже можно хватать горстями,
у тебя новые картины и следы на запястье

коммунальным заложником
в тихом доме у кита в пасти
войти можно?

Ave Caesar

хорошо, что я тогда глазок врезал
а то шастают разные
с алкогольной проказою,
на плите газовой чайник стонет
дым кольца размазывает
кошка на подоконнике
с бессонницей отбойник
Google говорит сегодня пятница
тишина
Gin Tonic

Ave Ver

закрывай на замок дверь
и проветривай чаще
говорят, в прокуренной спать вредно
хорошо
вытряхну забитый почтовый ящик
там?
снег тает медленно
состояние невесомое
зима отступает метр за метром
заеду как-нибудь
в ноль-ноль часов
принесу зелёный Vogue и лето

моргни из окна маяком кухонного света

* * *

вечер тонет в бокале с виски
или что намешал бармен,
в этом сером городе
у тебя сегодня на вписке
ты моя гошоватая Барби
я твой хамоватый Кен

в квартире все окна с видом на поезда,
я бы сдох от тоски
каждый день видя вокзала здание,
на зелёных змеях взгляд замерзал
прикуривало огней сияние

тело шатало при ходьбе
оно застиранное после поездки,
незастеклённый балкон

мы так близко к луне
привязанной крепко к поручням
бельевой леской

покурим утром
и не надо меня провожать
отпрашиваться с работы негоже,
ещё будет висеть темноты паранджа,
дверь до шелчка
чтобы вернуться – забуду часы
прихвачу взгляд
ожогом на коже

* * *

можешь выстирать шарф
мои ведьмы сказали —
зима скоро кончится

в арке
твоих каблуков разливается шаг
удушливый запах духов
отрицанием одиночества

* * *

маленький принц
срывал платья ситец
насиловал румяную
ронял в венозную лужу
пепел и шприц
затягивал жгут
ругал погоду спьяну

не знал ни корней
ни стран, ни границ
брёл небритый
по новому миру
не любил острых
от старости лиц

маленький принц вырос

* * *

а знаешь...

отдайся рыбаку с Филиппин
в руки мозолистые
в платье простом длинном
под скрип от шхуны остова

крылья бабочки – оберег,
пройди по кромке, вдыхая море,
порхание твоих век
просоленных

уже вижу...

перед грозой душно
хлопают окна
твой суженный
вытаскивает на берег
танцующие в пивной пене лодки

и кстати...

в парах винных
сбрасывая под стол карты
в переулках береги спину
от жены рыбака
не моргнёт!
засадит нож по гарду

* * *

учимся плавать по-взрослому,
с высоты роста
на площади брошены
под ноги проходим
под огни светофоров
под Талмуды и Торы
под открытость пространства
под крики матом детей с ранцами
под электричек прокуренных стоны

дойти бы...
дойти сквозь ветер за поворот
нырнуть во двор сонный —
и ты дома
(если такое понятие применимо
к чужой квартире и мебели)
запах, ковёр и шторы
чай и пельмени
помада случайных знакомых
симфония кранов
проверил спиной – пол ровный
депрессия в наличии
сон прерывистый, многогранный

в оконной раме молодая весна
нож ржавеет в кармане

тротуаров распухает десна,

товарищ у указателя
я могу вам сказать
мой бронхиальный кашель значит —
зима скоро кончится

* * *

здравствуй
любящая всецело
наотмашь
поэтому никогда не использующая тушь,
никому не расскажешь
как это неимоверно сложно
тянуть с вымученной улыбкой
выпавший гуж

женщина со схожим оскалом
не судивший тебя
без статьи сам будет,
пусть
выходят из жизни
словно из зала
чужие
случайные люди

* * *

три фигуры
резали, резали, резали
тело миниатюрное женское
в полутёмном подъезде
под пьезо
снимали золото
руками замёрзшими
нетрезвыми

сверкало луны лезвие
за окном окно
двор во двор
пахло валокордином
хромая в «ночник» брёл сон

автобус прошёл мимо
с ночной смены
годовалые зимы
орали резиной
умирал советский ДК —
нелепый слон

документы в мусорный бак
был человек —
теперь тело без имени
гулким эхом твой шаг
вселенная бездонных глаз
истязающе-синяя

звёзды в инее
неспящая старуха
потрескавшийся на двери лак,
постмодерна две красные линии
трескучая выключателей тишина
высокой плотности мрак

* * *

из окна чёрно-белое фото
на коммунальной кухне в кастрюлях сода
среди снятых звонков – один твой —
дребезжащий,
в затхлой квартире покой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.